

Семейство Линь — все трое — сидело, застыв, на своих местах, не в силах понять, как такое вообще могло случиться. Всего-то взяли несколько чаш крови — с чего вдруг всё обернулось таким скандалом?

Они ведь хотели лишь слегка прижать Линь Сюэцэ. А он... он и правда ушёл?

— Неужели он догадался, для чего мы собирались использовать его кровь? — с тревогой спросил Линь Гохуа.

Метод был по-настоящему зловещий: использовать человеческую кровь как проводник, навлечь беду на конкретного человека и тем самым привлечь к нему демонов и злых духов.

Демоны и призраки, хоть и считались тёмными и скверными сущностями, всё же, как и всё в мире, имели две стороны. Под их воздействием окружающие могли неожиданно обрести стремительный взлёт удачи.

Чем благороднее и ценнее была судьба человека, в которого вселялся дух, тем сильнее становились принесённые им карьерные и денежные потоки.

А Линь Сюэцэ — именно такой человек. Тогда, много лет назад, они отобрали его с особой тщательностью: носителя «дорогой» судьбы.

Хотя, если быть честными, до сих пор они так и не поняли, в чём именно проявляется его благословение.

Но отрицать было невозможно: за эти годы Линь Сюэцэ принёс им немало денег, помог пережить бесчисленные кризисы. Чем хуже становилась его репутация, тем шире разрастался бизнес семьи Линь.

Их родной сын, Линь Цинтянь, которому по судьбе прочили раннюю смерть, не только благополучно вырос, но и стал статным, привлекательным юношей.

Говорили, что любовь буквально сама будет бросаться ему в объятия.

И всё это, вполне возможно, было заслугой Линь Сюэцэ.

Если одного лишь содержания его в доме, как живого щита от бед, хватало, чтобы получить столько выгод... то что было бы, используй они его как приманку для духов? Разве не взлетели бы они тогда по службе, не разбогатели бы окончательно, не стали бы баловнями судьбы?

При этой мысли у всех троих защекотало в груди от нетерпения — ожидание сладко кружило голову.

О таком способе они знали давно. Раньше их сдерживала судьба Линь Цинтяня: до его восемнадцатилетия они не осмеливались трогать Линь Сюэцэ, боясь по неосторожности погубить столь ценный «заместитель».

Но теперь Линь Цинтянь уже стал взрослым. Линь Сюэцэ как жертвенная фигура больше не был нужен. А раз уж он сам так стремился остаться в семье Линь — почему бы не извлечь из него максимум пользы?

И кто бы мог подумать, что при первой же попытке — всего лишь взять немного крови — Линь Сюэцэ отреагирует так резко.

— Не может быть, — холодно отрезала Чжэн Мэйлин. — Он обычный студент. Кто бы стал ему такое рассказывать?

Она усмехнулась:

— Скорее всего, решил, что раз уже совершеннолетний, то способен жить самостоятельно. Захотел отделиться от семьи и встать на ноги сам.

— Самостоятельно? — подхватил Линь Цинтянь, поддерживая мать. — Учился он посредственно, по общеобразовательным предметам — так себе. Болтается в индустрии развлечений уже столько лет и так ничего и не добился, да ещё и симпатию публики растерял. Ни профессии, ни навыков. Уйти с пустыми руками — да он с голоду на улице подохнет.

Линь Гохуа тоже пришёл в себя. Вспомнив холодный, отчуждённый взгляд Линь Сюэцэ перед уходом, он с опозданием ощутил, как в груди поднимается злость.

Всего лишь собака, выращенная в их доме. И кто только дал ей смелость — лаять на хозяев?

— Да он рано или поздно приползёт обратно на коленях, — процедил Линь Гохуа. — Будет умолять нас принять его.

Произнеся это, он уже ясно видел в воображении, как Линь Сюэцэ, униженный и сломленный, просит о пощаде.

И в этот момент снаружи раздался звонок в дверь.

Сначала они решили, что это очередная выходка Линь Сюэцэ. Но спустя мгновение в дом почти бегом вбежал охранник и доложил:

— Госпожа, господин, у ворот остановился роскошный автомобиль.

— Роскошный автомобиль? — нахмурилась Чжэн Мэйлин.

Этот охранник работал у семьи Линь много лет и давно научился разбираться в статусе гостей. Обычную машину он бы никогда не стал докладывать с таким волнением.

— Ты смог понять, чья это машина? — спросила она.

Охранник замялся:

— Я видел, как из неё вышел человек... Похоже, это господин У Гуй, глава компании «Бода Дичань».

У Гуй... глава «Бода Дичань»?!

Чжэн Мэйлин мгновенно побледнела от шока.

Семья Линь, конечно, считалась местной элитой — но лишь в пределах Хайцзиня.

Стоило выйти за пределы города — и их имя уже ничего не значило.

Но У Гуй был совсем другим уровнем.

Это была фигура масштаба всей провинции, а если говорить шире — и на национальном уровне его знали как одного из крупнейших бизнесменов страны.

Его биография сама по себе напоминала легенду.

Будто рождённый для торговли гений, ещё подростком он учился в школе и параллельно перепродавал диски, зарабатывая деньги.

Простой деревенский мальчишка, живший в бедности, всего за несколько лет стал первым «десятитысячником» в своём посёлке. И тогда У Гуй был всего лишь старшеклассником.

В том же году он поступил в университет, став городским лидером по результатам вступительных экзаменов.

С этими двумя титулами он быстро обзавёлся связями. И когда все были уверены, что он сделает карьеру в сфере аудио- и видеобизнеса, У Гуй внезапно отказался от источника своего первого капитала и, собрав все активы, рано вошёл в рынок недвижимости.

За те двадцать лет, пока рынок недвижимости стремительно рос, его положение взлетало вместе с ним. Он стал настоящим магнатом — одним из тех, кого в лицо называли «акулами девелопмента».

А когда все решили, что его путь навсегда связан с недвижимостью, он снова удивил рынок — и шагнул в новый сектор.

С накопленным капиталом и уникальным коммерческим чутьём его имя вскоре стало появляться во всех самых перспективных и горячих отраслях.

Так У Гуй превратился в фигуру всекитайского масштаба — легенду делового мира, известную на всю страну и в интернете.

Человека такого уровня даже государственные структуры принимали с особым уважением. На юбилей университета Н его как выпускника уговаривали вернуться очень долго, прежде чем он согласился.

С его состоянием и активами — даже крохи, просыпавшиеся между пальцами, могли прокормить целый город. В Хайцзине не счесть людей, мечтающих хоть как-то к нему приблизиться и завязать знакомство.

И Чжэн Мэйлин тоже не раз задумывалась о том, как бы наладить с ним связь...

Однако ни связей, ни подходящего повода у неё так и не нашлось — до самого человека она даже приблизиться не смогла и всякий раз уходила ни с чем.

И кто бы мог подумать, что именно сейчас, в такое время, столь влиятельная фигура вдруг остановит свою машину прямо у ворот дома Линь?

— Что бы ему ни было нужно, пойдём сначала посмотрим, — решительно сказала она.

Мысль о возможном сотрудничестве с У Гуем мгновенно взбудоражила Чжэн Мэйлин. Она поспешно позвала Линь Гохуа и Линь Цинтяня, и вся семья быстро направилась к выходу.

Во дворе, покинув гостиную, Линь Сюэцэ пересёк лужайку и направился к воротам виллы.

Хотя семья Линь считалась обеспеченной, к нему они всегда относились скупой и жестокой рукой. Если только не собирались выводить его «на люди», новую одежду ему почти не покупали — не говоря уже о карманных деньгах или каких-то развлечениях.

Иногда друзья Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин замечали, что с ребёнком обращаются слишком плохо, но те неизменно отмахивались одной и той же фразой: «Мальчишек нужно растить в бедности».

На данный момент самым ценным, что было у Линь Сюэцэ, оставался старый мобильный телефон — тот самый, что Линь Гохуа получил в подарок за пополнение счёта и, не глядя, бросил ему. Линь Сюэцэ пользовался им уже много лет; аппарат давно обветшал и едва держался.

Кроме этого — ноль на банковском счёте и пустые карманы. Если говорить прямо, выйдя вот так за ворота, он не имел ни денег на ночлег, ни даже на еду и воду.

Но сам Линь Сюэцэ вовсе не паниковал.

Если бы он не вернул себе память, будь он всё тем же запуганным подростком, выросшим под постоянным давлением Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин, он, возможно, страшился бы внешнего мира и дрожал перед неопределённым будущим.

Но теперь он был не просто Линь Сюэцэ из книги — в нём жила память прошлой жизни.

Пока есть руки и ноги и готовность трудиться, взрослому человеку в этом обществе совсем несложно прокормить себя.

Идя вперёд, он спокойно и размеренно прикидывал своё будущее — и сам не заметил, как оказался за воротами дома Линь.

В этот момент издали медленно подъехал роскошный автомобиль и остановился прямо перед входом, перекрыв ему дорогу.

Линь Сюэцэ уже собирался обойти его, как вдруг дверь распахнулась, и из машины стремительно выскочил мужчина средних лет.

— Малыш! Я наконец-то тебя дождался! — сквозь рыдания выкрикнул он.

Не дав Линь Сюэцэ опомниться, мужчина тут же обнял его.

При росте Линь Сюэцэ около метра восьмидесяти мужчина едва дотягивал до ста шестидесяти с небольшим. Прижавшись к нему, он уткнулся лицом прямо в плечо Линь Сюэцэ, и крупные слёзы мгновенно промочили ткань его одежды.

Даже обладая памятью двух жизней, Линь Сюэцэ на мгновение полностью опешил. Лишь спустя некоторое время он начал вырываться и с трудом освободился.

Осознав, что перегнул палку, мужчина поспешно опустил голову и вытер лицо салфеткой, приводя себя в порядок.

Сделав глубокий вдох, он попытался успокоиться, затем вновь поднял глаза и с искренней, почти болезненной нежностью посмотрел на Линь Сюэцэ:

— Малыш... это же я.

От этого обращения Линь Сюэцэ слегка напрягся. Лицо показалось знакомым. Он на секунду задумался и произнёс:

— Вы... тот господин, который потерял сознание в университете? Господин У?..

Лицо мужчины мгновенно просияло, и он закивал так яростно, будто боялся, что его не услышат.

— Господин У, вы искали меня по какому-то делу? — спросил Линь Сюэцэ.

Едва услышав это, мужчина тут же замахал руками:

— Не называй меня «господин У»! Я — У Гуй. Черепаха!

— А... У Гуй, — поправился Линь Сюэцэ. — Вы хотели меня видеть?

Заметив явную настороженность в его тоне, У Гуй занервничал. Он сделал шаг ближе, его маленькие, словно фасолинки, глаза загорелись живым светом и полным ожидания взглядом уставились на Линь Сюэцэ.

— Ты правда меня не узнаёшь? Это же я, я! У Гуй, Черепаха!

Глядя на этот взгляд — сияющий, влажный, до странности знакомый, — Линь Сюэцэ ощутил, как в груди поднимается неясное чувство.

В памяти сам собой всплыл образ.

В прошлой жизни, когда он ещё был сиротой, в детстве он однажды пошёл к реке и спас маленькую черепашку. Потом растил её больше десяти лет.

Та черепашка была до смешного ленивой. Почти всегда дремала, но стоило появиться еде — и её крошечные глазки становились круглыми, яркими... точь-в-точь такими же, какими сейчас смотрел на него У Гуй.

От этой мысли Линь Сюэцэ потрясённо выдохнул:

— Вы... похожи на мою черепаху, которую я растил больше десяти лет...

Но он так и не договорил, проглотив слова.

Невозможно.

Даже если не брать в расчёт, что это была прошлая жизнь... даже если та черепаха каким-то образом последовала за ним — она не могла стать человеком.

Осознав это, Линь Сюэцэ внезапно почувствовал тихую, тянущую пустоту.

Он знал, чем закончится судьба героев и второстепенных персонажей этой книги. Но он понятия не имел, что стало с теми, кто остался в приюте в его прошлой жизни.

С черепахой, которую он растил больше десяти лет.

С маленьким морским зайцем, которого взял совсем недавно.

С хомячками, ёжиками...

После того как он исчез, хорошо ли им жилось? Был ли рядом кто-то, кто о них заботился?..

И вдруг он услышал голос У Гуя:

— Да! Малыш, это я! Семь лет, река Байшуй, черепаха!!

Линь Сюэцэ вздрогнул всем телом и неверяще уставился на него.

Сейчас они находились в мире романа. Он был очень похож на реальность, но многие названия мест здесь отличались.

Река Байшуй...

Так называлась река в реальном мире. В мире книги такого названия не существовало.

А Линь Сюэцэ действительно был семилетним, когда на берегу реки Байшуй подобрал свою маленькую черепашку.

— Ты... ты как... — Линь Сюэцэ смотрел на У Гуя, совершенно ошеломлённый, не в силах связать слова.

— Это долгая история, — мягко сказал У Гуй. — И здесь явно не место для разговоров. Садись в машину. Когда приедем, я всё тебе расскажу.

В его голосе звучала сдержанная дрожь — такая, в которой смешались нетерпение, радость и почти детская привязанность.

Линь Сюэцэ немного подумал — и в конце концов кивнул, соглашаясь.

Семь лет. Река Байшуй. Черепаха.

Эти три детали знал только он... и та самая черепаха.

К тому же сейчас он был без гроша в кармане — по сути, ничем не отличался от бродяги. А У Гуй, напротив, находился на совершенно другом уровне: с его статусом и положением он вряд ли стал бы лично приезжать, чтобы разыгрывать столь нелепую и жестокую шутку.

А если... если его зверушки и правда все перенеслись сюда вместе с ним?..

От этой мысли сердце Линь Сюэцэ радостно подпрыгнуло.

Пусть сейчас он беден — ничего, он обязательно заработает. Обязательно снова откроет приют.

Если они все живы.

Если в этом мире они смогут встретиться вновь — для него это будет лучшей новостью из возможных.

Тем временем Линь Гохуа, Чжэн Мэйлин и Линь Цинтянь, торопливо выбежавшие из дома, увидели лишь одно: роскошный автомобиль У Гуя разворачивался и уезжал прочь.

На их лицах ещё не успели погаснуть возбуждённые, полные ожидания улыбки — а человек... просто развернулся и уехал.

Он приехал не к ним.

Ни Чжэн Мэйлин, ни Линь Гохуа, ни шедший следом Линь Цинтянь не сомневались: это было откровенное унижение.

Остановить машину у их ворот, намеренно не показаться, заставить их выскочить впопыхах — и оставить лишь вдыхать выхлопные газы?

Это было уже слишком. Их попросту не ставили ни во что.

Для Линь Цинтяня, типичного «главного героя» с мужским эго, такое было особенно невыносимо. Его лицо мгновенно помрачнело.

— Этот У Гуй... Он что, решил, что с нашей семьёй можно так обращаться? Захотел — приехал, захотел — уехал...

— Он известная фигура, — холодно ответила Чжэн Мэйлин. — Естественно, на такую мелкую семью, как наша, он и смотреть не станет.

От этих слов выражение лица Линь Цинтяня стало ещё мрачнее. Он фыркнул, мысленно занося имя У Гуя в чёрный список.

Сегодня семья Линь ослабла — вот он и позволил себе их унижить.

Но когда они поднимутся... этот невоспитанный У Гуй ещё пожалеет.

Линь Гохуа, видя недовольство жены и сына, и сам кипел от злости. Он сорвался на охранника:

— Носишься тут, шумиху поднимаешь, только позоришь нас!

Охранник проработал в доме Линь столько лет, что прекрасно понимал причину их гнева.

Им не удалось зацепиться за У Гуя — вот и срывают злость на нём, мелкой сошке.

Чтобы сохранить работу, он поспешно заговорил:

— Я правда видел, как он остановился у ворот, будто собирался зайти... Просто он, кажется, приехал не к вам. Он искал Линь Сюэцэ.

Имя Линь Сюэцэ мгновенно отвлекло внимание всех троих.

— Линь Сюэцэ? — нахмурилась Чжэн Мэйлин. — Откуда У Гую его знать?

— Я не знаю подробностей, — честно ответил охранник. — Но я видел, как они обнимались. Отношения у них... довольно близкие. Потом я побежал докладывать вам, дальше не видел.

— Обнимались?! — недоверчиво переспросил Линь Гохуа. — У Гуй и Линь Сюэцэ? Ты уверен, что не ошибся?

Охранник задумался и добавил:

— Кажется... господин У ещё назвал его «малыш».

От этого обращения всех троих передёрнуло.

Богатый мужчина средних лет, обнимающий юношу без всякого родства, молодого и красивого, ласково называющий его «малышом» — а затем они вместе садятся в роскошную машину и уезжают...

Какие между ними отношения — и так было ясно.

В головах у троих всё встало на свои места.

Линь Цинтянь с неопределённой усмешкой сказал:

— Я вспомнил. Сегодня ведь юбилей университета, У Гуя пригласили в Н. А Линь Сюэцэ сегодня вернулся поздно... Возможно, они там и познакомились. Нашли удобный момент.

Линь Гохуа смачно сплюнул:

— Вот почему он вернулся таким наглым! Осмелился нам перечить, да ещё и из дома сбежал. Оказывается, зацепился за богатого покровителя — У Гуя!

Чжэн Мэйлин, хоть и не была столь прямолинейна, тоже нахмурилась, на лице мелькнуло отвращение.

— У Гуя ведь почти пятьдесят, — холодно сказала она. — Я-то думала, что он, хоть и сирота, выросший в нашей семье, всё же станет нормальным человеком. А оказалось... что ж, не зря говорят: у дракона рождается дракон, у феникса — феникс, а сын мыши всю жизнь роет норы.

Она покачала головой и вздохнула:

— Совсем не бережёт себя.